

ЭО, 2008 г., № 5

© Т. Б. Щепанская

ПРОЕКЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ПРОФЕССИИ

Эта статья продолжает цикл сравнительно-этнографических исследований (напр., см.: Щепанская 2003, 2005, 2006) о неформальных традициях профессий в России позднего и постсоветского периода, т.е. конца XX – начала XXI в. Здесь рассматривается один из аспектов профессиональной традиции – маркирование пространства. Обсуждается связь практик символического освоения пространства с проблематикой социального контроля и автономии профессии.

Эмпирической базой цикла послужили полевые материалы – наблюдения и интервью (около 300 глубинных неформализованных интервью) с представителями разных сфер деятельности, проводившихся автором или студентами¹ под руководством и по программам автора этой статьи в период с 1998 по 2008 г., преимущественно в Санкт-Петербурге². Использовался также визуальный материал: коллекция фотографий рабочих мест людей разных профессий. В качестве сравнительных привлекаются материалы Биографического фонда Социологического института РАН – автобиографии петербуржцев и жителей других городов России, написанные в конце 1980-х – первой половине 1990-х годов; мемуарная литература и пресса (интервью на темы профессий с их представителями – здесь данные из разных регионов России).

Концептуальные рамки исследования обсуждались довольно подробно в моих предыдущих публикациях, тут только уточню основные понятия. Центральное понятие и, собственно, предмет изучения – комплекс неформальных традиций (стереотипизированных представлений, практик и текстов), бытующих и воспроизводящихся в профессиональной среде в процессе неформальных коммуникаций. Для краткости будем называть этот комплекс "профессиональной традицией", имея в виду ее целостность и сложный состав. Что касается отбора сфер деятельности для изучения, то я придерживаюсь скорее традиции антропологии занятий (occupational anthropology), чем социологии профессий (professions). Предмет нашего изучения – неформальная традиция (субкультура); ее наличие и определяло наш интерес к тому или иному занятию. Насколько развитие и проявления неформальной традиции связаны со степенью профессионализации занятия (*Rothblatt* 1995), – вопрос, который может быть прояснен по результатам исследования, а не заранее, на стадии отбора. Занятия, оказавшиеся в поле нашего зрения, специализированы в достаточной мере, чтобы сложилась профессиональная идентичность, а на ее базе – профессиональное сообщество, которое и является носителем традиции.

В качестве носителя традиции рассматривается профессиональное сообщество. В. Гуди указывал такие его признаки, как связывающее его членов чувство идентичности, разделяемые ими ценности, сложившийся общий язык, только частично понятный для аутсайдеров, ясные границы (социальные, а не физические или географические) и др. (*Goode* 1957). Сообщество, базирующаяся на общей символике, разделяемом знании и идентичности, может быть описана в рамках модели "воображаемого сооб-

---

Татьяна Борисовна Щепанская – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН; e-mail: poehaly@yandex.ru

щества" (Anderson 1983). П.С. Сангрен, например, использует выражение "воображаемое сообщество" применительно к профессиональной среде социальных исследователей (Sangren 1995). Эта модель представляется полезной именно из-за акцента на идентичность и разделяемое знание, воспроизводимые на базе неформальных структур.

Традиция/субкультура профессии рассматривается здесь как знаковая система. Говоря о ее феноменологии, мы имеем в виду элементы повседневности профессионалов, обладающие **знаковостью**: маркирование пространства и времени профессиональной деятельности, предметную атрибутику, специфику восприятия и репрезентации тела, вербальные стереотипы (неформальную лексику, профессиональный "фольклор"), т.е. элементы повседневности, которые наделяются знаковостью или, по выражению А.К. Байбурина, имеют повышенный семиотический статус (1981: 215–226), причем нас интересуют здесь те аспекты повседневности, которые приобретают такой статус именно в контексте профессии.

В этой статье рассматриваются **пространственные** аспекты неформальной традиции: маркирование места работы знаками профессии. Проведем различие между "организацией" – формальной структурой, контролирующей место работы, – и "профессиональным сообществом", базирующимся на общей идентичности и сетевых, преимущественно неформальных, связях. Эта статья не об этнографии рабочего места, а о символическом конструировании пространства профессии, как проекции профессиональной идентичности. Центральный вопрос: каким образом рабочее место преобразуется в пространство профессии? Ставя его, мы затрагиваем проблематику социального контроля: ведь, по существу, речь заходит о том, как в месте работы, контролируемом организацией, формируется пространство, контролируемое профессиональной средой, с ее этикой, традициями (о социальном контроле в организациях и неформальных отношениях см.: Алашеев 1995; Романов 2000). Символическое освоение пространства – один из способов, какими профессиональный контроль вторгается в сферу действия организационного. (О месте профессионального контроля среди прочих видов контроля на рабочем месте, напр., см.: Freidson 1984; Simpson 1985; Matthews 1991.)

Прежде чем рассматривать этнографические материалы, следует дифференцировать пространство профессии в зависимости от потенциальной открытости его для разных форм контроля. Будем различать: 1) места, **закрытые для непосвященных** (рабочий кабинет, лаборатория, база полевых исследователей в экспедиции, внутреннее пространство мастерской – их функция – производство профессионального знания или метода). Доступ чужих (не принадлежащих к организации или профессиональной среде) ограничен; 2) **открытые для непосвященных (прежде всего, потребителей услуг): демонстрация и применение профессионального знания**: кабинет-приемная (например, практикующего врача), школьный класс, салон в транспорте общественного пользования (самолет, маршрутное такси), сцена, музейная экспозиция, торговый зал магазина; работа профессионала как взаимодействие с клиентом/заказчиком/потребителем профессиональных услуг; 3) **нерабочее пространство и неформальный дискурс**: курилки, туалетные комнаты, офисные кухни, буфеты; информализация рабочего места как принцип, распространяющийся на любые локусы; локализация практик сопротивления внешнему и любому формальному контролю.

В этой статье из-за ограниченности объема остановимся на первой группе, т.е. внутреннем пространстве профессии, в которое доступ для чужаков ограничен. Эта зона соотносится с понятием "профессиональной чистоты", понимаемой как возможность избегать не связанных с профессией тем. Статус профессионала тем выше, чем

меньше он соприкасается с непрофессиональными проблемами и непрофессиональной средой. Самые высокостатусные обмениваются оценками только с другими профессионалами (Abbott 1981: 824; 1988: 118; см. также: Barr, Boyle 2001). Именно такой тип коммуникации преобладает во внутреннем пространстве профессии – в рабочем кабинете, лаборатории, на базе экспедиции. Здесь актуален прежде всего контроль повседневных взаимодействий в рамках самой профессиональной среды. Возможно и противостояние профессионального и организационного (и других внешних по отношению к профессии систем) контроля.

Нормативное пространство

Маркеры профессии, связь которых с процессами социального контроля наиболее бросается в глаза, – это надписи, содержащие нормативные высказывания: от этических кодексов до отдельных правил и призывов. По форме они нередко имитируют распоряжения, характерные для организации, но апеллируют к нормам профессиональной среды; их адресаты – это коллеги и сотрудники.

Кодексы и стилизации. Образцы нормативных текстов, имеющиеся в моей коллекции, размещались в основном в рабочих кабинетах (не путать с кабинетом-приемной). В 2007 г. в одном из кабинетов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ) РАН можно было видеть прикрепленный к дверце шкафа лист формата А4: "Лев Штернберг³. 10 заповедей этнографа", – гласил заголовок отпечатанного на нем текста. Распечатка сделана сотрудником отдела с архивных материалов (РАН: Ф. 282. Оп. 1. 125: 4)⁴. Текст представляет собой род этического кодекса, несколько стилизованного под библейские заповеди. Центральная тема его – служение профессии. Интересна третья заповедь, противопоставляющая научные достижения положению в формальной иерархии: *"Не профанируй науки, не оскверняй этнографии карьеризмом"*. Отметим этот момент: противопоставление научного (собственно, профессионального) статуса организационному (месту в должностной иерархии – "карьере"). Это противопоставление дает себя знать всякий раз, когда профессиональная среда оказывает сопротивление требованиям, исходящим от организации. Основой научной этики Штернберг провозглашает этику служения: истине, обществу, человечеству и любви: этнографом должна руководить любовь к человечеству и человеку, к изучаемым народам. Это не был официальный документ: отсылки к форме и стилю библейских заповедей указывают на несколько игровой характер текста: автор говорил не с позиции силы или с высоты своего должностного положения, а как коллега с коллегами.

Шуточные "кодексы" актуализируются и в "поле", в контексте обрядов посвящения в профессию, которые совершаются во время экспедиции (если речь идет о "полевых" специальностях). На сайте археологов Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина описывается обряд посвящения в археологи, во время которого голос "бога Горпосельмога" озвучивает текст, озаглавленный, как и приведенный выше, "10 заповедей": "Не засыпай яму ближнего своего... Если погребение разбираешь, возлюби жмурика своего как самого себя" (СОИКМ 2004) и т.д. Тут же приведен другой текст – "Правда раскопная": текст тоже стилизован, на этот раз под известные в профессиональной среде исторические источники (древнерусские правовые тексты и более поздние документы правового и дидактического характера). Основную часть его составляют правила поведения в раскопе (запрет сдвигать с места "кол нулевой", озоровать с лопатой – порицается привычка шлепать друг друга лопа-

той по спине), требование внимательно относиться к зачистке, а также соблюдать гигиенические правила и субординацию в отношениях с начальником экспедиции.

Один из многочисленных вариантов ритуала я наблюдала во время этнографической экспедиции в 2005 г. Проводил посвящение начальник экспедиции (так бывает чаще всего, но отмечены случаи, когда эту роль выполняют просто старшие по экспедиционному стажу и возрасту участники). В ходе ритуала посвящаемая – студентка кафедры этнографии и антропологии СПбГУ – произносила (зачитывала по списку, предложенному ей начальником экспедиции) "клятву этнографа". Как и кодекс Штернберга, текст этот носит следы стилизации, только матрицей послужила воинская присяга (например, характерный оборот про "тяготы и невзгоды жизни" практиканта). В тексте фигурируют такие элементы профессиональной жизни, как готовность к отказу от благ цивилизации, работа с информантами, ведение полевого дневника и забота о поддержании теплых межличностных отношений (посвящаемая поклялась относиться "к коллегам с душой и пониманием"). Конечно, это не изложение профессионального кодекса, а только облеченное в игровую форму напоминание о нем (ПМА: 17 июля 2005, с. Борисово-Судское Бабаевского р-на Вологодской обл.).

В обоих локусах – в "кабинете" и в "поле" – актуализация этических кодексов происходит в среде коллег, адресованы эти тексты прежде всего молодому поколению и включаются в контекст трансляции профессиональной традиции.

Нормативные высказывания. В интерьере рабочих кабинетов встречаются тексты или изображения, указывающие конкретную норму или ценность профессии – небольшие плакаты: *"Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан"*; *"А ты пишешь диссертацию?"* и т.п. Нередко они сопровождаются изображением, придающим призыву несколько шуточный акцент. Такие плакаты делают сами сотрудники или распечатывают подходящие по смыслу элементы офисного фольклора из Интернета.

Кроме относящихся собственно к профессии встречаются и правила "общественной жизни", повседневного поведения, просто приличий. Так, в Социологическом институте РАН в период моего участия в совместном проекте (1998–1999 гг.) я видела в кабинетах наклейки с изображением проф. Преображенского (из фильма "Собачье сердце" в исполнении Е. Евстигнеева). Отпечатанный на наклейке текст гласил: *"Окурки на пол не бросать. В сотый раз прошу"*. Простой призыв к аккуратности? Но он подкрепляется изображением фигуры ученого и апелляцией к практически культовому среди научной интеллигенции произведению М. Булгакова. В данном случае профессия понимается шире, чем социология, – скорее, как наука вообще.

Среди развешанных в кабинетах обращений встречаются и адресованные внешним инстанциям. Так, в кабинете, где работают ученые-физики (в Физико-техническом институте им. Иоффе – ФТИ РАН) имеется небольшой транспарант с цитатой из Ф. Жолио-Кюри: *"Наука необходима народу. Страна, которая ее не развивает, неизбежно превращается в колонию"* (ПМА 2006). Этот транспарант одна из обитательниц кабинета несла во время демонстрации, куда она ходила в колонне своего института. В данном случае есть все признаки нормативного высказывания: требование развивать науку; в качестве подкрепления – ссылка на авторитет (прежде всего – в профессии, но также весомый и в общественном сознании за пределами науки). Но адресат – явно за рамками среды коллег: государство, власть. Несмотря на свою закрытость ("башня из слоновой кости"), рабочий кабинет профессионала открыт для внешних инстанций власти – в данном случае плакат только проявляет актуальность этого направления социального контроля.

Любопытный и достаточно характерный текст в середине 1990-х годов висел в одном из учреждений РАН (в Санкт-Петербурге). Это был шуточный "распорядок дня". Отпечатанный на листке формата А4, еще на механической пишущей машинке (судя по неровно пропечатавшимся буквам и очевидному истощению пигмента на красящей ленте), текст красовался на двери туалетной комнаты между кабинетами научных сотрудников. По форме текст обыгрывает форму официального распоряжения: справа сверху обозначена "виза руководства": "УТВЕРЖДАЮ Я ГЛАВНЫЙ". Далее заголовок: "Распорядок рабочего дня (шуточное название)", – перевирающий (символически снижающий) название учреждения. "Распорядок" состоит из 16 пунктов и доведен только до обеда. Основное время отводится пунктам "Перекур" (8.07 – 10.07), "Завтрак" (11.00 – 12.00), "Прибытие с завтрака к рабочему месту" (12.00 – 12.55) и обед (13.00 – 14.00), в то время как пункт "Работа", появляясь 3 раза, занимает только 1 минуту, 47 минут и вообще 0 минут, т.е. в сумме не дотягивая даже до часа. Такого рода тексты, достаточно характерные, выражают установку подспудного сопротивления организационному контролю: один из моментов, когда традиция, объединяющая работников, противостоит организации.

Похожие тексты отмечены в фольклоре программистов (напр., см. многократно воспроизводимый в Интернете "Распорядок дня программистов": (QWERTY 2004; Linux.org 2003)⁵. "Распорядок", наряду с рядом других текстов, во второй половине 1980-х имел хождение в среде советских программистов, системотехников, а затем и в более широком кругу инженерно-технических работников советских НИИ.

Субъектом противостояния служит сообщество работников, среда, объединенная неформальными связями. Если это среда профессиональная, то легитимации практик сопротивления организационному порядку апеллируют к ценностям профессии. В уже упоминавшемся "Бусидо программиста" есть такой пункт: "10. Обязательные действия настоящего программиста: распечатывать дампы, читать документацию, дышать, есть и спать. Высший приоритет у сна". И его обоснование: "Можно быть программистом и не писать программы. Нельзя долго оставаться программистом, не читая документацию. Распечатка дампов необязательна ровно настолько, насколько не обязательно открывать капот собственной автомашины (просмотр дампов на экране – полумера). Невозможно программировать не выспавшись. Если вы не программист, но начальник программистов и заставляете их приходить на работу к определенному сроку, то вы теряете программистов и приобретаете набивальщиков невразумительных текстов" (Ibid.).

В подобных случаях профессиональная среда оказывает сопротивление организационному контролю (здесь – условий труда, но может быть также качества профессиональных услуг) на том основании, что менеджеры организации, не будучи профессионалами, не могут компетентно оценить ни качество профессиональной деятельности, ни необходимые для нее условия. Фольклор подчеркивает их некомпетентность: "Не сотвори себе кумира из начальника. Знай – ты и сам дурак", – гласит первая из "Семи заповедей программиста" (Ibid.). От работников органов внутренних дел записана примета: "Утром встречаешь по дороге начальника – жди трупа, что-нибудь страшное" (ПМ 2002: *Бравичева*. СПб.). Такого рода приметы поддерживают классификационную схему, в которой "начальство" (организационная иерархия управления) попадает в тот же класс, что и "неудача" (тяжелый, страшный случай, с которым предстоит разбираться профессионалу), т.е. конструируется оппозиция "организация – профессия".

В описанных случаях претензии профессионалов на монопольный контроль результатов и условий своего труда обосновываются именно сложностью их задач и наличием знания, почти эзотерического по своей недоступности пониманию непосвященных (в категорию которых попадают и менеджеры). Такое обоснование оказывается под угрозой, если управленческие позиции в организационной иерархии заняты тоже представителями профессионального сообщества. Фольклор реагирует на это отрицательно, отбиваясь фразеологически. "Нету хуже сволочей, чем начальство из врачей", – написала врач акушер-гинеколог, проходившая переподготовку в МАПО, когда я попросила привести пример медицинского фольклора (ПМА. 2003. СПб.).

В указанных случаях место работы маркируется символами профессии, причем ими служат указания на профессиональные нормы. Таким образом, место работы маркируется как нормативное: сфера действия именно профессиональных норм. Я далека от мысли, что функция приведенных и подобных им текстов – действительно прямая регламентация поведения работников. Тексты носят обычно игровой характер, скорее стилизованы под кодексы, инструкции и распоряжения, чем являются ими. Их функция – скорее указание на то, что здесь действуют нормы профессионального сообщества, альтернативные организационным, т.е. символическое утверждение места работы как сферы профессионального контроля.

Персонификации

Один из распространенных вариантов маркирования пространства – его персонификация. Распространенный вариант маркеров – символов профессии – *портреты предшественников*, выдающихся представителей профессии. Помещенные в кабинетах и лабораториях, на кафедрах и в учебных аудиториях, они воспринимаются как проекция профессиональной идентичности и персонификация норм.

На портретах – ушедшие из жизни коллеги:

- основоположники научного направления, отрасли промышленности, изобретатели, крупные ученые, признанные светила науки;
- основатели учреждения или его подразделения (кафедры, факультета, отдела, сектора и т.д.);
- прежние руководители учреждения или его подразделения;
- "учителя" (научные руководители и просто наставники, почитаемые в этом качестве кем-то из сотрудников);
- трагически погибшие коллеги.

Примеры – портрет В.Б. Голофаства⁶ в кабинете возглавляемого им до своей скоропостижной кончины сектора Социологического института РАН (СПб.); портрет покойного завлаба в кабинете НИИ, специализирующегося на разработке композитных материалов; портрет А. Эйнштейна за стеклом книжного шкафа в кабинете ученых-физиков Физико-технического института (ПМА 2006: ФТИ РАН, СПб.), портреты Л.Я. Штернберга в кабинете отдела этнографии Сибири РАН.

Образы выдающихся предшественников прочитываются сотрудниками как воплощение профессиональной нормативной культуры, образец для почтительного следования: "Почитай великих предшественников и учителей в науке и общественной жизни, дабы и тебя чтли по заслугам твоим" (пятая из заповедей Штернберга). Портреты предшественников становятся и консолидирующими символами, воплощая невидимые сети, объединяющие представителей профессии, несмотря на их работу в разных учреждениях и регионах. Так, портрет Р.Ф. Итса⁷ можно увидеть не только в отделе

этнографии народов Сибири МАЭ РАН, но и в кабинетах и аудиториях академических институтов и университетов разных регионов России – там, где работают выпускники основанной им кафедры, его бывшие студенты и аспиранты. Реакция на портрет Итса приезжающих коллег легко выдает выпускников кафедры этнографии: она бывает обыкновенно эмоциональной и, если позволяет время, сопровождается обменом воспоминаниями. Это реакция узнавания "своих" – членов "невидимого колледжа". В этом отношении портреты "отцов-основателей" (профессиональных школ, направлений, институций) нередко играют консолидирующую роль в сообществе профессионалов.

Наряду с портретами предшественников встречаются и групповые или жанровые изображения (коллеги во время встреч или в процессе выполнения профессиональной деятельности), где можно увидеть не только ушедших, но и живущих ныне коллег. Групповые фотографии (обычно сделанные во время конференций и подобных мероприятий, собирающих коллег из разных мест и учреждений) показывают значимые социальные сети; жанровые сцены изображают практики, важные для профессиональной самоидентификации: этнографы и фольклористы запечатлены обычно в экспедиции, врачи – у постели больного в белом халате и с атрибутами профессии, летчики рядом со своей машиной или в кабине.

Эти изображения также прочитываются сквозь призму профессиональных норм – точнее, на них проецируются профессиональные нормы. В качестве иллюстрации приведу рассказ ветеринара М.Н. Еремеева из его автобиографии. В 1931 г., будучи на курсах усовершенствования ветврачей биофабрик в Харькове, он вместе с коллегами посетил кафедру патанатомии. "И вот что бросилось нам в глаза, – пишет М.Н. Еремеев. – На стене в кабинете профессора был повешен большой стенд с фотографическими карточками ветврачей и ветфельдшеров, трагически погибших от сапа. Под каждой фотографией было краткое описание обстоятельств гибели лица, изображенного на ней при исполнении служебных обязанностей: клинический осмотр лошадей, патолого-анатомические вскрытия трупов, работа с культурами при лабораторных исследованиях. Стенд поражал своей трагичностью". Обратим внимание на то, как это воспринималось посетителями (коллегами): "И невольно возникали мысли, осуждающие царское правительство за запрет проводить поголовную малленизацию лошадей из-за боязни, что слишком много было бы выявлено положительно реагирующих на маллеин, и, следовательно, подлежащих уничтожению, а это причинило бы казне большой расход. Только при Советской власти начали проводить плановые мероприятия по борьбе с сапом, используя широко метод выявления скрыто больных лошадей путем малленизации. Это и обеспечило в основном успех в деле ликвидации сапа, веками существовавшего в России" (БФ СИ РАН: 87. М.Н. Еремеев, г. Киров, 1985).

Опустим политические отсылки (текст написан еще в советское время, а профессиональное становление автора проходило в 1930-е годы). Отметим, что, глядя на изображения погибших в результате заражения сапом коллег, автор воспоминаний воспринимает увиденное как подтверждение правильности норм профессиональной деятельности (для того времени новых: в данном случае проведении сплошной пробы лошадей на опасную болезнь). Выявление скрытой формы сапа должно, по его мнению, привести к искоренению заболевания, а вместе с тем и обезопасить работающих с лошадьми ветеринаров. Заметим: история изображенных на портретах погибших коллег прочитывается автором воспоминаний не только как проекция образцов действия, которые ему представляются правильными, но и как их подкрепление, т.е.

ушедшие коллеги – не только как культурные образцы, но и как источник легитимации.

Встречаются и другие персонификации места/символы профессии: фигуры и изображения, связанные с *объектом* профессиональной деятельности.

Идолы поля – один из вариантов: это фигуры, изготовленные в экспедиции, но по завершении ее в ряде случаев перемещаемые и в рабочий кабинет кого-либо из участников (или домой). В моей коллекции есть воспоминания об изготовлении таких фигур в археологических, этнографических и социологических экспедициях.

Какую роль эти фигуры играют в своем первоначальном локусе – в поле? В известных мне случаях идолов делали неофиты – молодые исследователи, студенты или даже временные попутчики (например, художник, ездивший вместе с экспедицией). В экспедициях кафедры этнографии СПбГУ сложилась традиция делать ко Дню этнографа (когда проходит и посвящение) идола "Маклая" (или "Миклухи") из бумаги и репьев: тоже способ маркировать место временного размещения знаками профессии. Игровая форма не отменяет апелляции к авторитету и к профессиональным нормам, "Опрашивай и наблюдай – да и спасешься", – гласила подпись под фотографией идола Миклухи в кафедральной стенной газете (ПИМА 2005).

В.В. Виноградов рассказывал мне о двух идолах, последовательно сменявших друг друга в отряде археологов, в течение ряда лет (1990-е годы) проводивших археологическую и этнографическую разведку в Псковско-Новгородском регионе. Первый – вырезанный из коряги истукан Иван Купалыч. Коряга была найдена в день Ивана Купалы на берегу местного озера, которое считалось среди местных жителей и страшным (много гибло людей), и святым (место находки имеет значение как символическая репрезентация знания: с ним связаны легенды, поверья – ценный материал для собирателя). Вырезанная из нее антропоморфная фигура стояла в почетном углу палатки. Иногда Купалыча брали с собой в походы – вылазки с базы. По возвращении из экспедиции идола поместили в доме у одного из участников (где в домашнем рабочем кабинете он и пребывал на момент рассказа). Позже в той же экспедиции был вырезан другой идол – Мстислав Тьмутараканский, давший имя всему отряду, который в шутку стал называться МББО (Маленький Безбашенный отрядик) имени Мстислава Тьмутараканского, что подчеркивало особую отдаленность осваиваемого им поля. Мстислав Тьмутараканский стал со временем олицетворением общности участников отряда МББО. Однажды, отправившись в довольно трудный и дальний (около 30 км через болота) переход, участники взяли с собой, кроме своих рюкзаков, общий груз – рюкзак с палаткой, который несли по очереди. Этот груз прозвали Мстислав, и с тех пор Мстиславом называли любой общий груз в походах. Через некоторое время деревянный идол был заменен алюминиевым блюдом, которое получило то же имя Мстислав и использовалось для общих торжественных трапез. Примечательно, что его, как и Ивана Купалыча, нашли в месте, имеющем признаки сакрального (в заброшенной церкви во время ночевки на пути к святому источнику). В поле, где идолы были изготовлены, они служили овеществленным воплощением экспедиционного коллектива. Символика их: связь с дорогой, маршрутом археологической разведки; причастность к сакральным объектам (святое/страшное озеро, заброшенная церковь) – позволяет рассматривать эти фигуры как проекции коллективной идентичности исследователей-полевиков.

По возвращении идолы (если их привозят в город) перемещаются в место научной работы кого-нибудь из участников экспедиции: в рабочий кабинет (дома или в учреждении). В одном из кабинетов Социологического института в 2004–2005 гг. можно

было видеть идола по прозвищу Домовёнок, Статуй, или Талик (от Талисман). Этот антропоморфный деревянный чурбан с длинным сучком-"носом", выжженными глазками, с ветками-"ручками" и в кепке стоял в дальнем от двери углу, у окна; перед ним – большое комнатное растение. О.Б. Божков, работающий в этом помещении, рассказал мне следующую историю. Сделан Талик был в социологической экспедиции в 2002 г. в Тверской обл.: «Нашли бревно с "носом", сжечь его было жалко. Мы просто заготавливали дрова для лагеря». Кепочка напоминает о взаимоотношениях с местными жителями: компания мужиков имела обыкновение выпивать неподалеку от лагеря, и один из них забыл свою кепку. Постирав, социологи украсили ею "голову" Талика. Когда хозяин увидел, то решил ее не забирать: "Ну ладно. Пусть. Она ему идет". По возвращении идол стоял у О.Б. Божкова дома, затем его возили в следующую экспедицию, и, наконец, он обрел место в кабинете Социологического института. Причем, как говорят сотрудники, нынешнее место он "выбрал" себе сам: там, куда его поставили вначале (у старого компьютера) был крайне неустойчив, все время опрокидывался (ПМА 2004). Символ экспедиции как значимой профессиональной практики, Талик становится напоминанием о полевом братстве, когда в кабинет приходит кто-нибудь из участников той поездки, которые бурно радуются, видя знакомую кепочку. Такую же роль, как идола поля, играют экспедиционные фотографии.

В кабинете фольклорного отдела Российского института истории искусств на шкафу стоит березовый чурбан, на который водружены очки и светлая летняя шляпа; зовут его Пропп: отсылка не только к образу одной из значимых фигур в фольклористике, но и к трилогии М. Успенского в жанре фэнтези (2005) – о богатыре Жихаре, где фигурировали статуи Проппа, стоявшие у дорог; путники просили их об удаче, а чтобы умиловить Проппа, ему полагалось рассказывать "устареллы" и петь "вольны" (Успенский 2005: 168). Идол – подарок к юбилею сектора; сделал его художник-оформитель, ездивший с фольклористами в экспедицию. Так что и этот идол, хотя и не изготовлен в поле, все-таки служит напоминанием о полевом братстве.

В любом случае, подобные фигуры в пространстве кабинета персонифицируют ту профессиональную общность, к которой принадлежат работающие здесь люди. Причем характерно, что эта воображаемая общность (сотрудники экспедиции, общность исследователей-"полевиков" вообще) явно выходит за рамки кабинета. Идолы поля апеллируют скорее к профессии в целом – через овеществление значимой для профессиональной самоидентификации практики.

Памятники и другие антропоморфные фигуры. В том же ряду образов, персонифицирующих пространство профессии, можно рассматривать и другие сколько-нибудь антропоморфные изображения. На территории Военно-медицинской академии (ВМА) в Санкт-Петербурге расположено несколько памятников знаменитым врачам – основателям профессии. Эти памятники включаются в ритуальные практики студентов ВМА: так, учащиеся упоминают об обычае перед экзаменом начищать до блеска пуговицы на мундире и трубку на скульптурном изображении Боткина; ботинки скульптуры Пирогова, стоящей в здании кафедры анатомии. Накануне или после выпуска бывшие студенты ВМА натирали медную грудь статуи Гигеи – музы медицины, стоявшей рядом с кафедрой. Несколько лет назад статую перенесли за решетку (ПМА 2003: сообщение Л.П. Ипатовой). Символическими значениями могут наделяться самые разные элементы атрибутики и инструментария, которые при условии их антропоморфности легко становятся персонификацией места (театрального закулисья, мастерской, учебной лаборатории). Так, актер М. Пореченков сообщал об особом отношении к театральным манекенам: "К манекенам надо относиться как к лю-

дям... уважительно относиться, нельзя толкать их, пинать и т.д." (ПМ 2000: *Зайцева [Кондратьева]*). Студенты-медики дают имена учебным манекенам. Студенты из Петрозаводска называли Васей манекен, глаза которого загорались зеленым, если ему правильно сделать "искусственное дыхание" или "непрямой массаж сердца". В анатомической лаборатории студенты дают имена и трупам, с которыми работают как с препаратами. Например, студенты Первого Медицинского университета (СПб.) вспоминали: «Наша группа с одним работала, привязалась... У него на руке татуировка была: "Коля". Мы так и называли его – Коля. Девушки даже говорили: "Пойдем навестим Колю"». Если у препарированного трупа есть особые приметы (татуировки и др.), то он запоминается и становится талисманом группы (ПМ 2000: *Монич [Мухомотова]*). В данном случае персонификация места, где студенты осваивают профессию, – одновременно и проекция их общности.

Пространство профессии конструируется как персонифицированное, символика профессии проявлена в нем через антропоморфные образы: портреты и статуи выдающихся представителей профессии; изображения ее мифологических покровителей; иды поля (овеществленная память экспедиционного братства) и даже сколько-нибудь антропоморфные элементы профессиональной атрибутики.

Кошки на работе. В некоторых случаях персонификацией места становится кошка, живущая в помещении, где проходит профессиональная деятельность. Кошка на работе – элемент повседневного окружения, причем, с точки зрения собственно работы, необязательный элемент. Нас интересуют те случаи, когда на это животное проецируются значения, связанные с профессией.

В Российском институте истории искусств живет крупный сибирский кот по кличке Мурза; некоторые зовут его Мурза Валентинович, в честь графа Валентина Платоновича Зубова, основателя института, известного историка и искусствоведа⁸. Кота в шутку называют также "Замдиректора" или "Ночной директор", приводя в доказательство его "хозяйское" поведение в здании института: "Мурза Валентинович – это замдиректора, ночной директор... он обходит все помещения, в присутственный день по всем секторам идет, заходит... Специально деньги собирают ему, он контролирует зарплату сотрудников. А как же? В пакетик – в фонд Мурзы" (ПМА 2005: сообщение В.В. Виноградова и В.А. Лапина). Кот становится персонификацией здания – места работы (Зубовского дворца), а сборы "в фонд Мурзы" – своеобразным ритуалом, подтверждающим общность его обитателей. И любопытно, как в этих ритуалах проецируется существующее у сотрудников особое отношение к основателю института.

Белый с серо-черными пятнами кот обитает и в Центре русского фольклора в Москве: он также по-хозяйски обходит помещения и становится объектом, на который проецируется отношение сотрудников к своему учреждению. Любопытный штрих: когда я в числе участников Первого конгресса фольклористов России в начале февраля 2006 г. посетила Центр, в вестибюле висела еще прошлогодняя стенная газета, подготовленная сотрудниками к 23 февраля. Поздравляли мужчин – работников Центра: каждый был представлен фотографией, где он изображался на рабочем месте. Фотографии вырезаны в форме сердечек. Поздравительный текст гласил: "Уважаемые мужчины Центра русского фольклора! Поздравляем вас с Днем Защитника Отечества и науки!" На одной из фотографий запечатлен и развалившийся на тканой дорожке кот, таким образом символически включенный в число коллег – работников учреждения. То есть здесь он явно присутствует как проекция коллективной идентичности.

Сотрудница издательства в Санкт-Петербурге пишет в своем блоге о котях, обитающих в издательстве. Озаглавлено сообщение так: "Котопост рабочий или Коты, не чуждые книгоиздания". Одного из котов зовут Рыжий, Вася или Книжный барс (mlle-anais 2008) – характерно, что кот именуется по профессиональной "принадлежности".

Рассматривая символические проекции профессии в пространстве работы, обратим внимание, что их символика так или иначе связана с инстанциями контроля: этического (профессиональный авторитет выдающихся предшественников) или организационного (руководители и основатели учреждений). Это значит, что место работы маркируется не просто как пространство профессии, но как пространство нормативное (транслирующее профессиональные нормы), в котором человек подпадает под действие механизмов социального контроля.

Активное пространство: анимизация

Пространство профессии конструируется как управляющее, отсюда и схемы мифологизации его как активного, способного воспринимать и формировать человеческое поведение. "Активность" пространства выражается в лексике и фразеологии: "небо манит", "зов поля"; шоферы-дальнобойщики учат молодых: "Запомни: трасса накормит, напоит и спать положит" (*Ажгирей* 1998); по поводу легкомысленного отношения к своей работе и безопасности говорят: "дорога такого не прощает". В актерских байках отложилось представление (или метафора?), что сцена не прощает плохой игры или нарушений театральных табу. Так, Н. Зайцева (Кондратьева) приводит рассказ актера Театра им. Ленсовета О. Андреева о том, как их труппе пришлось играть спектакль на прославленной сцене Большого драматического театра (БДТ). В финале "с жутким треском обвалилась" декорация. "Сцена в БДТ не выдержала такого позора, как наш спектакль", – заключает рассказчик (ПМ2000: *Зайцева [Кондратьева]*).

Проекцией представления об "активности" (а фактически – контролирующей роли) пространства профессии служат разговоры об "ауре", "атмосфере", "энергии" места, а также обитающих в нем духах и привидениях: речь идет об анимизации, а в последних двух случаях – и персонификации пространства. Причем в неформальном дискурсе профессий все это представлено как факторы, определяющие успех или неудачу профессиональной деятельности: "плохая аура" места способна привести к провалу концерта, а "духи сцены" не дадут сыграть спектакль, если он или режиссер оказались им не по нраву. Отсюда поверья о "трагедийных" спектаклях, участники которых переживают всяческие несчастья, и режиссерах с "отрицательным обаянием", которых духи сцены не принимают. В театральной среде складываются ритуалы, направленные на предупреждение вмешательства подобных сил. Так, актеры Театра им. Ленсовета перед каждым спектаклем собираются в круг и "сбрасывают вместе" руки (*Кондратьева* 2005: 198; ПМ 2000: *Зайцева [Кондратьева]*).

Откуда берутся "духи" места, олицетворяющие его управляющее воздействие? Архитекторы говорят, что душа автора воплощается в его проекте; архитекторы хотят быть похоронены неподалеку от своих сооружений; записаны также легенды о том, что душа архитектора после его смерти находится где-то неподалеку от его сооружения (ПМ 2002: *Аверичева*). Сложно сказать, где в этих разговорах грань между поверьем (анимизацией места) и метафорой; в обоих случаях, однако, активность, приписываемая пространству (т.е. его контролирующая, управляющая функция), связана с проекцией на него образа архитектора, успешно реализовавшего свой замысел. Врач В.А. Галкин в своих мемуарах вспоминает о периоде работы в Центральной научно-

исследовательской лаборатории 1-го Московского медицинского института в 1955 г. «Она была организована известным патофизиологом, учеником И.П. Павлова С.И. Чечулиным и носила имя своего создателя... Казалось, что здесь "царил" дух Ивана Петровича Павлова – истинно научная обстановка – беззаветное служение идее научной истины, когда не считаются со временем, делятся мыслями, при проведении эксперимента – максимальная взаимопомощь» (Галкин 1984: 60–61). "Дух" И.П. Павлова здесь, конечно, метафора, хотя суть от этого не меняется: она выражает представление о влиянии пространства лаборатории на тех, кто там работает. С именем основоположника ассоциируется действенность профессиональных этических норм: служения истине, взаимопомощи.

Другого рода воздействие приписывается мифологическим персонажам, связанным с объектом профессиональной деятельности. В фольклоре студентов-медиков есть рассказы о привидениях, обитающих в анатомической лаборатории или в морге, – везде, где находятся мертвые человеческие тела. Привидение остается и тогда, когда труп уносят. Если группа успешно сдала зачет, то считается, что привидение покровительствует ей, становится ее ангелом-хранителем (помогает на экзаменах) (ПМ 2000: *Монич [Мухортова]*). Но чаще говорят, что привидения вредят и приносят неприятности. Поэтому рассказы о духах, приведениях и тому подобных виртуальных сущностях – один из способов легитимации профессиональных неудач, отклонения от норм. Так, объясняя неудачу на зачете по анатомии или другому предмету, связанному с препарированием трупа, можно сослаться на слухи о привидениях, которые толкают студентов под локоть в ответственный момент (Там же).

У археологов существует поверье о привидениях или духах, которые пугают на неразграбленных в древности могилах. В экспедициях Российского государственного гуманитарного университета их называют "бандерлоги". Д.А. Баранов передавал рассказ знакомого археолога об одном случае "явления" такого духа. Копали в Южной Сибири; небольшой отряд (совсем молодых ребят, еще школьников и студентов) отделился от экспедиции и отправился в археологическую разведку. Разбили лагерь в долине, где были неразграбленные курганы. Вскрыли курган. Существует правило ночевать на кургане во время раскопок (чтобы предотвратить разграбление его местными жителями). Дежуривший на кургане парень увидел, как с горы спускается женщина в белом платье. Подошла ближе – и он ощутил ужас: "ощущение чужести, что ли... и мне стало жутко, просто – непередаваемый ужас". С кургана он ушел; случай обсуждался в палатках, вспоминали страшные археологические рассказы. "Ну и после этого атмосфера в экспедиции, отношения стали не то, что портиться, но... конечно, уже никто не ночевал там, на этом кургане..." (ПМА 1998; речь идет о событиях конца 1980-х годов). Это довольно характерный пример, когда явление духа приводится как обоснование/объяснение нарушения формального правила (здесь – предписывающего ночевать на кургане). В статье, посвященной мистическому фольклору полевых исследователей, приводились и другие примеры подобной прагматической установки (*Щепанская 2006*).

Таким образом, "духи мест" (как поверье или метафора) – это одна из форм, в которых отражается представление о пространстве профессии как активном, управляющем действиями попадающих сюда людей. Причем "духи места" могут воплощать как социальный контроль (профессиональный кодекс и его подкрепление авторитетом выдающихся представителей профессии), так и стратегии сопротивления ("оправдывая" нарушение профессиональных норм или неудачу).

* * *

Одно из проявлений неформальной профессиональной традиции – маркирование места работы знаками профессии. Среди этих знаков есть целый пласт указывающих на нормы профессиональной среды (нормативный код): посредством их место работы символически очерчивается как сфера действия профессиональных норм. Проекцией этих норм служат образы, вынесенные за пределы профессионального сообщества: это портреты коллег-предшественников, антропоморфные фигуры (от идолов до манекенов и памятников) и даже учрежденческие кошки (впрочем, характерно, что и кошек, и идолов в этом случае нередко именуют в честь знаменитых коллег (кот Мурза Валентиныч и "идол Маклая"). Проекцией норм, а точнее, символизацией нормативной функции места может стать и ментальный образ без материального воплощения: например, "духи", "привидения", "аура" и тому подобные метафоры пространства профессии как сферы социального контроля.

Маркеры пространства как профессионального указывают и на характер легитимации норм: явственно читаются прежде всего апелляции к традиции, профессиональному авторитету коллег-предшественников и социальному статусу, базирующемуся на профессионализме. Маркеры пространства – символы профессии – становятся и объектами привязки ритуалов консолидации, подтверждения общности коллег. Мы упоминали радостные моменты "узнавания" при встрече коллег, спроецированные на портрет учителя или полевой идол, увиденные в незнакомом до того кабинете. В ряду ритуалов консолидации, и сборы "в фонд Мурзы", и актерские ритуалы, призванные снять недовольство "духов сцены".

Примечания

¹ Разработанная мною программа исследования по сравнительной этнографии профессий предоставлялась студентам кафедры культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии СПбГУ для проведения учебного исследования в рамках курсов "Антропологический практикум", "Антропология города" и "Антропология профессий", которые были мною разработаны и проведены на факультете социологии. Эту программу использовали и студенты Смольного института свободных искусств и наук филологического факультета СПбГУ, где я проводила учебную практику и читала ряд курсов по социальной и культурной антропологии. В статье я ссылаюсь на их полевые материалы с указанием фамилии собирателя. В случае, если материалы вошли в опубликованную статью или дипломную работу, даются ссылки на эти работы.

² Ссылки на полевые материалы в тексте обозначены в скобках: ПМ – полевые материалы, год записи, фамилия интервьюера; либо ПМА – полевые материалы автора (если автор статьи выступает в роли интервьюера).

³ Л.Я. Штернберг в 1901 г. стал старшим этнографом Музея антропологии и этнографии АН, в 1910-е годы организовал инструктивные курсы по этнографии (после 1917 г. – аспирантуру), участвовал во многих экспедициях, пополнении фондов музея (*Чистов и др.* 2004: 178, 192, 200, 203).

⁴ Текст воспроизвел, принес в отдел и раздал копии его сотрудникам Ю.Ю. Шевченко.

⁵ Появление этого текста предположительно относится к периоду середины 1980-х – начала 1990-х годов. Мне присылал его в распечатке работавший системным администратор приятель в середине 1990-х годов. До сих пор воспроизводится на многочисленных Интернет-форумах и порталах, посвященных компьютерному юмору.

⁶ В.Б. Голофаст (1941–2004) – известный социолог, кандидат философских наук, заведующий сектором Социологического института РАН.

⁷ Р.Ф. Итс (1928–1990) – профессор, доктор исторических наук, организовал в 1968 г. кафедру этнографии и антропологии на историческом факультете ЛГУ (ныне – СПбГУ); в 1982–1990 гг. руководил Ленинградской частью Института этнографии АН СССР.

⁸ В.П. Зубов (1884–1969) – граф, историк, искусствовед, доктор философии, основатель Российского института истории искусств (1912). Институт размещался в принадлежавшем графу Зубову дворце (построенном архитектором Г.А. Боссе в 1843–1847 гг.).

Источники и литература

- Ажгирей* 1998 – *Ажгирей М.* (беседа с водителем-дальнобойщиком) // Газета "Автобизнес-Weekly" 1998. № 5 (101). 5 февр. Сайт "Дальний бой": <http://heavytruck.narod.ru/>
- Алашеев* 1995 – *Алашеев С.Ю.* Неформальные отношения в процессе производства: "взгляд изнутри" // Социологические исследования. 1995. № 2. С. 12–19.
- АРАН – Архив Российской академии наук (Санкт-Петербург). Ф. 282 (ф. Л.Я. Штернберга). Оп. 1. 125: 4.
- Байбурин* 1981 – *Байбурин А.К.* Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология: Сб. МАЭ. Т. 37. Л.: Наука, 1981. С. 215–226.
- БФ СИ РАН – Биографический фонд Социологического института РАН.
- Кондратьева* 2005 – *Кондратьева Н.В.* Петербургский театральный фольклор: на примере Театра им. Ленсовета // Антропология профессий: Сб. науч. ст. / Ред. П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова. Саратов: ЦСПГИ, Научная книга, 2005. С. 188–200.
- ПМ 2000: *Зайцева [Кондратьева]* – Полевые материалы. Собиратель – Н.В. Зайцева [Кондратьева], студентка факультета социологии СПбГУ. 2000 г.
- ПМ 2000: *Монич [Мухортова]* – Полевые материалы. Собиратель – В. Монич [Мухортова], студентка факультета социологии СПбГУ. 2000 г.
- ПМ 2002: *Аверичева* – Полевые материалы. Собиратель – О. Аверичева, студентка Смольного института свободных искусств и наук факультета филологии и искусств СПбГУ. 2002 г.
- ПМ 2002: *Бравичева* – Полевые материалы. Собиратель – Н. Бравичева. 2002 г.
- ПМА – Полевые материалы автора (Т.Б. Щепанской).
- Романов* 2000 – *Романов П.В.* Формальные организации и неформальные отношения: кейс-стади практик управления в современной России. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2000.
- СОИКМ 2004 – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2004 // <http://www.alabin.ru/alabina/projects/gromozeka/archeomyth/>
- Успенский* 2005 – *Успенский М.Г.* Время Оно: Фантастический роман. М.: Эксмо, 2005.
- Чистов и др.* 2004 – *Чистов Ю.К., Резван Е.А., Купина Ю.А., Михайлова Е.А., Павлинская Л.Р. и др.* Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН: история, коллекции, исследования. СПб.: МАЭ РАН, 2004.
- Щепанская* 2003 – *Щепанская Т.Б.* Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. С. 139–161.
- Щепанская* 2005 – *Щепанская Т.Б.* Конструкции гендера в неформальном дискурсе профессий // Антропология профессий/Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга, Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. С. 50–100.
- Щепанская* 2006 – *Щепанская Т.Б.* Мифологические персонажи в неформальном дискурсе "поля" // Антропологический форум. № 4. СПб, 2006.
- Abbott* 1981 – *Abbott A.* Status and Status Strain in the Professions // American Journal of Sociology. 1981. Vol. 86. P. 819–835.
- Abbott* 1988 – *Abbott A.* The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
- Anderson* 1983 – *Anderson B.* Imagined Communities. L.: Verso, 1983.
- Barr, Boyle* 2001 – *Barr D.A., Boyle E.H.* Gender and professional purity: explaining formal and informal work rewards for Physicians in Estonia // Gender and Society. 2001. Vol. 15. № 1. Febr. P. 29–54.
- Friedson* 1984 – *Friedson E.* The changing nature of professional control // Annual Review of Sociology. 1984. Vol. 10. P. 1–10.
- Goode* 1957 – *Goode W.J.* Community within a Community: The Professions // American Sociological Review. 1957. XXII. Apr. P. 194–200.

- Linux.org 2003 – Linux.org – Форум "Linux.org": <http://www.linux.org.ru/view-message.jsp?msgid=284870>, дата размещения цитируемого текста – 2003 г.
- Matthews 1991 – *Matthews R.C.O.* The economics of professional ethics: should the professions be more like business? // *The Economic Journal*. 1991. P. 737–750.
- mle-anais 2008 – mle-anais.: Живой журнал // <http://mle-anais.livejournal.com/27991.html>, сообщение от 30 мая 2008 г.
- QWERTY 2004 – Форум телекоммуникационной сети QWERTY (ОАО "Центральный телеграф"): <http://forum.qwerty.ru/index.php?showtopic=92>. Дата публикации цитируемого текста – 19 ноября 2004 г.
- Rothblatt 1995 – Rothblatt, Sh. How "Professional" Are the professions? A Review Article // *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 37. No. 1 (Jan., 1995). P. 194–204.
- Sangren 1995 – *Sangren P.S.* Comments to: R.Aunger. On Ethnography. Storytelling or Science? // *Current Anthropology*. 1995. Vol. 36. № 1. Febr. P. 97–130.
- Simpson 1985 – *Simpson R.L.* Social control of occupations and work // *Annual Review of Sociology*. 1985. Vol. 11. P. 415–436.

ЭО, 2008 г., № 5

© Д. Д. Сэллаз

**ПРОИЗВОДСТВО УСТУПОК:
ВЫДАВЛИВАНИЕ РАБОЧИХ ИЗМОРОМ
НА СБОРОЧНОМ ПРЕДПРИЯТИИ
"ДЖЕНЕРАЛ МОТОРЗ" В ЛОРДСТАУНЕ***

Введение

Последняя четверть XX в., называемая по-разному: то "постиндустриализмом", то "вторым индустриальным разделом", то просто "глобализацией", засвидетельствовала два коренных изменения в американской экономике (*Herzenberg, Alic, Wial* 1998; *Piore, Sabel* 1984): во-первых, широкое распространение промышленного капитала в развивающиеся страны и сопутствовавший этому рост занятости в ответственном секторе обслуживания (*Sassen* 1998), во-вторых, миграцию промышленной занятости из северо-восточных регионов США с сильными профсоюзными организациями в западные и южные регионы, где организованный рабочий класс имеет слабые позиции (*Bluestone, Harris* 1982). Если сказать простым языком, "солнечный пояс" переживал бурный рост, а индустриализированный прежде "снежный пояс" превращался в "пояс прозябания". О последствиях этих сдвигов для американского рабочего класса можно судить по следующим статистическим данным: с 1975 по 2000 г. реальный средний недельный заработок рабочего упал с 293 до 272 долл., а доля рабочей силы, объединенной в профсоюзы, – с 28,9 до 13,5% (*Labor Research Association* 2003).

Джеффри Дж. Сэллаз (Sallaz) – преподаватель факультета социологии Университета Аризоны (США); e-mail: jsallaz@email.arizona.edu

* Впервые опубликовано в: *Sallaz J.J.* Manufacturing Concessions: Attritionary Outsourcing at GM's Lordstown Assembly Plant // *Work, Employment and Society*. 2004. Vol. 18. № 4. P. 687–708. Перевод осуществлен при поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров и публикуется с любезного согласия автора и издателя.